ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091):130.2+930.2:929Ключевский

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.2.175

В.О. Ключевский о социокультурном значении «живых» источников прошлого (статья первая)

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Изучены оценочные взгляды В.О. Ключевского на «живые» источники прошлого. Под таковыми в исследовательской среде понимаются два вида текстов: «устная культура» – мифы, легенды, предания, сказания, народные обычаи, приметы и праздники; и «мемориальная культура» – личные воспоминания участников прошедших событий, рассказы об индивидуальной судьбе, семейные повествования, свидетельства очевидцев. В «Курсе русской истории» Ключевского «живые» источники прошлого именуются как «память народа».Сделан вывод о том, что в своей историко-философской работе надтакого рода источниками, Ключевский использовал два приема: научно-критическийи герменевтический. Научно-критический подход помогал исследователю фиксировать противоречия в цепочке фактов и искать доказательства подлинности/вымысла фрагментов текста, а герменевтический подход позволял «смотреть глазами автора», погружаться в драматургию эпохи.

Ключевые слова: *культура,история,народная память, В.О. Ключевский*

Социокультурное значение «живых» источников прошлого – интересная и насыщенная тема для тех, кто изучает глубины формирования культурной идентичности российского общества. В среде исследователей под «живыми» источниками понимаются два рода свидетельств прошлого: формы «устной культуры» – мифы, легенды, предания, сказания, народные обычаи, приметы и праздники, запечатленные в летописях, литературных текстах, пословицах и поговорках; и так называемые символы «мемориальной культуры» – личные воспоминания участников событий прошлого, рассказы об индивидуальной судьбе, семейные повествования, свидетельства очевидцев, т.е. все то, что помогает поддерживать поколенческий опыт воспроизводства традиций[См.: 2, 4, 5]. Цель статьи – показать, какое значение придавал Василий Осипович Ключевский (1841–1911) подобного рода «живым» источникам, будучи основателем научной школы отечественной истории, сторонником многофакторного анализа прошлого и позитивистски сориентированным исследователем русской культуры и общества.

© Михайлова Е.Е., 2026

Разработки В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина стимулировали интерес Ключевского к летописям как важному историческому источнику. А под очевидным влиянием своего современника – петербургского лингвиста и историка А.А. Шахматова [ссылками на его исследования «Повести временных лет» буквально пестрят страницы по древней истории – *Е.М.*], Ключевский начинает воспринимать летописи как важные и во многом уникальные «живые» свидетельства истории Руси. Поднимая пласты источников, он отмечает две характерные особенноститекстов древних книжников – разнообразие и разносторонность.

Разнообразие летописей, по Ключевскому, заключалось в огромном фактологическом материале. В этом ключеон отмечает три уровня написания и сборки текстов: летопись, летописный свод и летописный сборник. Первый вид древнего текста – летопись. Она представляет собой изложение событий, которые носилилокальный характер, например, историю какого-либо церковного прихода или княжеского дома.Поскольку летописание в те времена считалось «богоугодным, душеполезным делом», то за перо брались самые разнообразные персоны: и частные лица, и специально обученныелюдипри церкви или при княжеском дворе. Каждый из них писал о событиях и героях своего края [1, с. 91]. Второй вид древнего текста – летописный свод. Авторы летописного свода или «бытописатели», как их именует сам Ключевский, занимались тем, что собирали все краевые записи воедино и составляли так называемый «погодный рассказ» о событиях, произошедших в границах гораздо большей локации, чем история отдельного прихода или какого-либо дома в княжестве. Выявлено, например, что культурно-исторической почвой для самых известных древних текстов на Руси стали Суздаль (Лаврентьевская летопись) и Кострома (Ипатьевская летопись) [1, с. 93]. Третий вид древнего текста – летописный сборник. Он складывался и систематизировался постепенно, путем переписываний, сокращений, дополнений и новых вставок в зависимости от событийного контекста.

Разносторонность летописей, по Ключевскому,объяснялась обликом их авторов, погруженных в особую культурно-историческую среду жизни. Как субъекты культуры, древние книжники писали, составляли и передавали тексты, разумеется,не механически, а с учетомсвоихиндивидуальныхзнаний, родадеятельности, жизненных приоритетов, личныхинтересов, увлечений и эмоций.«Летописцы того времени небыли бесстрастными и даже беспристрастными наблюдателями совершавшихся событий, как мы склонны их представлять себе: у каждого из них были свои местные политические интересы, свои династические и областные сочувствия и антипатии», – пишет Ключевский [1, с. 112]. В целом весь массив летописных источников московский профессор характеризует как «труднообозримое количество списков», требующих долгой и сложной критической работы. В социокультурном значении летописец для Ключевского являлся живым свидетелемсвоей эпохи, представлял

собой «верное зеркало настроений, чувств и понятий» древнерусского общества. Вот как описывает свое погружение в сознание древнего книжника сам Ключевский: «Под пером летописца XII века все дышит и живет, все безустанно движется и без умолку говорит; он не просто описывает события, а драматизирует их, разыгрывает перед глазами читателя» [1, с. 112].

Современник Ключевского, петербургский историк А.С. Лаппо-Данилевский примерно в это же время и схожим образом вторит своему московскому коллеге. В труде «Методология истории» (1910–1913 гг.) Лаппо-Данилевский рассуждает о том, какими «сложными историческими фактами» являются летописи. Достоверность показаний средневековых летописцевзависит от многих условий. Главными, на взгляд Лаппо-Данилевского, являются три обстоятельства: знания и эмоции авторов текста; их умение погрузиться в культурно-историческую ситуацию; глубина ивыразительность самого описываемого события. Если говорить о первом условии, то достоверность факта, в интенции Лаппо-Данилевского, зависит от полноты знаний субъекта и от тех эмоций, которые он переживает в связи с объектом своего наблюдения. Далее не менее важными для петербургского историка являются свойства самого объекта, например, его локация, действия, окружающие лица, события, в которые он вовлечен и т.п. Наконец,нельзя отрицать, что факты, отличающиеся своей яркой индивидуальностью, чаще привлекают внимание, побуждают субъекта скорее «высказаться», не дают ему времени спокойно и не торопясь «переработать свои впечатления о них» [3, с. 299].

Возвращаясь к Ключевскому и к его оценке «живых» источников прошлого, сфокусируем внимание на том, какой видится научная задача историку-позитивисту. По своей форме исследовательский фокус направлен надоказательнуюработу с фактами, а по содержанию – состоит в уяснении происхождения и развития культуры и «человеческого общежития», в терминологии самого Ключевского. Научно-критическая задача историка сводится к нескольким обязательным шагам: к фиксации свидетельских показаний, к поиску доказательствэтих следов прошлого, к разработке новых приемов и методов исследования, к умению найтиразночтения в высказываниях, вплоть до явных противоречий. А таковых в летописных рассказах немало.

Для Ключевского иллюстративен пример стекстовой экспертизой летописи Печерского монастыря [так именует Ключевский «Повесть временных лет» – *Е.М.*]. С одной стороны, историк отмечает огромное значение летописи какисторического источника. В его оценке, текстлетописи – это «собирательный фокус, объединявший рассеянные лучи русской жизни», а автор летописи – «наблюдательный инок», способный смотреть на жизнь вокруг многосторонним взглядом [1, с. 100]. С другой стороны, Ключевский отмечает противоречивость сведений об авторе Начальной летописи. Он задается вопросами, был ли Нестор (и Нестор

ли?) во второй половине XI века уже иноком Печерского монастыря или бегал по улочкам Киева еще мальчиком? Кто его принял в монастырь – сам преподобный Феодосий или его преемник игумен Стефан?

Наблюдая, чтов работе над летописными текстами и рассказами очевидцев вопросов накапливалось все больше и больше, Ключевский постепенно вырабатывал свою уникальную исследовательскую позицию. В ней, по сути, гармонично уживались два приема историко-философской деятельности: научно-критический прием – фиксировать противоречияв цепочке фактов и искать доказательства подлинности/вымысла фрагментов текста, и герменевтический прием – «смотреть глазами автора», в данном случае, глазами летописца. Первый способ, на наш взгляд, выглядит очевидным, учитывая, что Ключевский был позитивистски настроенным исследователем и держался теории многофакторного анализа. Вторая тактика демонстрирует умение ученого психологически погружаться в культурно-историческую ситуацию и «примерять» на себя переживания участников былых событий. Цитата из Ключевского говорит сама за себя: «Чтобы понять это явление, надобно войти в политическое сознание русских князей того времени» [1, с. 187]. В данном случае Ключевский анализирует порядок княжеского владения, установившегося после смерти Ярослава Мудрого.Однако точно с таким же герменевтическим посылом Ключевский раз за разом погружается в пласты свидетельств народной памяти.

Помимо летописей, относящихся к разряду свидетельств очевидцев, Ключевский изучает тексты торговых договоров русских князей с греками, а также известия писателей (византийских, болгарских, угорских, арабских), касающиеся отношений с Русью.Особый интерес историка вызывают народные предания, складывающиеся иногда в целые поэтические сказания. В качестве самых ярких примеров Ключевский приводит историческую сагу X в. об «Ольгиной мести» и цикл богатырских былин XI в., воспевающих борьбу киевского князя Владимира со степными кочевниками. Страх и радость несут сквозь века эти сказания. Летописная легенда значима эмоционально жесткой выразительностью процессаотмщения, а былины финально всегдапереполнены чувством безопасности и спокойствия [1, с. 101].

В «Курсе русской истории» Ключевский использует понятие «народная память». В его интенции – это способность народа удерживать, хранить и впоследствии воспроизводить воспоминания о событиях прошлого. Отголоски прошлого фиксируются «общим языком» и «общей судьбой» народа; в силу своей значимости они могут удерживаться так долго, что превращаются в традиции. Например, анализируя формы языческого брака, Ключевский раскрывает этимологию выражений «брать замуж» и «выдавать замуж», и приходит к выводу, что эти словосочетания закрепились сначала в разговорной практике людей, а потом стали

речевыми символами брака как ранней общественной организации древних славян.Такойсмысловойпереход, помнениюКлючевского,стал возможнымименнопотому,что «язык запомнил много старины, свеянной временем с людской памятью» [1, с. 136].

Значение народной памяти трудно преувеличить, считает Ключевский. Если воспоминания остались в сознании нескольких поколений людей, значит они не были случайными или беспричинными, и касались практически всего населения. Такие коллективные свидетельства, в интенции Ключевского, имели двоякое социокультурное значение:с одной стороны, они соединяли силы народа для достижения какой-либо цели, с другой стороны, вызывали к жизни ранние формы социальной организации. «Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории», – пишет Ключевский [1, с. 120]. И отмечает два признака, которыми, на его взгляд, можно обозначить начало истории: самое раннее воспоминание народа о себе и самая ранняя форма общественной организации, объединившая народ в каком-либосовокупном действии.

Иллюстрацией суждений Ключевского может послужить пример того, как он работал над «пробелами» в текстах летописцев, как собирал недостающую информацию по другимисточникам. Например, историк изучает процесс складывания военно-политического союза восточных славян в VI веке в Прикарпатье. За основу, разумеется, он берет текст «Повести временных лет» [Печерскую летопись, в терминологии самого историка, – *Е.М.*], в частности легенду об обрах. В летописиобры упоминаются как авары, свирепые завоеватели. Выражение «погибоша аки обры» стало крылатым и вошло в русский язык как символ внезапного и бесследного исчезновения целого народа [1, с. 123]. Держась мысли о том, что язык «помнит многое», Ключевский приходит к выводу, что вероятново многом благодаря выразительности и распространенности этой исторической поговорки,автор «Повести временных лет» включил предание об обрах в свой текст. Легенда об обрах явно несет на себе черты былины или исторической песни,и не исключено, что она представляет собой некий отдаленный отголосок целого цикла славянских песен об аварах. Ключевский рассуждает, что из текста летописи можнозафиксировать два очевидных факта:нашествие аваров на восточнославянские племена и то, что все славяне именовались «дулебами». А далее он задается вопросом: «Но где были во время этого нашествия поляне и почему одним дулебам пришлось так страдать от обров?» [1, с. 123]. Ответ на этот вопрос нашелся в воспоминаниях путешественника X в. Аль-Масуди.В своем сочинении «Золотые луга»[в новой редакции, дошедшей до нас, «Золотые копи и россыпи самоцветов» – *Е.М.*] арабский писатель называет дулебов «валинами», т.е. волынянами. Получается, что летописи «запомнили» только дулебов из времен аварского нашествия. Ключевский выдвигает логическое предположение, что эти племена господствовали над восточными славянами, поэтому и «покрывали» их своим

общим именем. Схожее явление впоследствии будет наблюдаться и с распространением названия «Русь», когда поляне, жившие на реке «Рось», стали культурно-историческим ядром восточного славянства, сформировавшегося на склонах и в предгорьях Карпат [1, с. 124]. Справедливости ради заметим, что версии происхожденияназвания «Русь» до сих пор считаются дискуссионными. Ключевский явно придерживался среднеднепровской топонимической вариации, берущей свое начало в выкладках М.В. Ломоносова.

В качестве обобщения, думается, следует отметить две установки, которые были выявлены по текстам Ключевского. Первая установка: говоря о социокультурном значении«живых» источников,историк должен признать сам факт, что миф лежит в основе исторического повествования древности. Вторая установка: работая с отголосками народной памяти, историкдолжен свидетельствовать правду, т.е. оперировать доказательными фактами, а не рассказывать сказки и розовые небылицы. Летопись для Ключевского представляет собой запечатленные в текстах наблюдения автораза событиями древних лет. Автор летописи – грамотный книжник, служивший при церкви или при княжеском дворе, – аутентично выражает настроенияобщества. Народная память фиксируется не только в летописях, но и в народных приметах, былинах и поэтических сказаниях, ее отголоски можно почувствовать на двух уровнях:в ранних воспоминаниях народа и в первых формах общественных организаций.

Таким образом, социокультурное значение «живых» источников видится Ключевскому в двух мыслительных плоскостях: в психологической интеграции, т.е. в способности летописных легендсоединять воедино разрозненные силы народа для достижения некой цели, и в социальном действии, т.е. в способности народной памяти закреплять это соединение какой-либо формой общественного устройства.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти т. Т. 1 / под ред. В.Л. Янина; коммент. В.А. Александров, В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1987. 430 с.
2. Корнющенко-Ермолаева Н.С. История, миф и коллективная память: конфликт интересов? // Философия и методология истории. Сборник научных статей XI Всероссийской научной конференции. Коломна, 2025. С. 38–48.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х т. Т. 2. / А.С. Лаппо-Данилевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 632 с.
4. Михайлова Е.Е. А.С. Лаппо-Данилевский: социокультурное значение «живых» источников прошлого // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества;сборник статей / отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. 892 с. С. 179–194.

5. Ярычев Н.У. Мемориальная культура: от категории к феномену // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 5 (109). С. 32–39.

V.O. Klyuchevsky on the socio-cultural significance of “living” sources of the past (part one)

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The evaluative views of V.O. Klyuchevsky on the "living" sources of the past are studied. These types of texts are understood in the research environment as two types of texts: "oral culture" – myths, legends, legends, folk customs, omens and holidays; and "memorial culture" – personal memories of participants in past events, stories about individual fate, family narratives, eyewitness accounts. In Klyuchevsky's Course of Russian History, the "living" sources of the past are referred to as "the memory of the people." It is concluded that in his historical and philosophical work on such sources, Klyuchevsky used two techniques: scientific-critical and hermeneutic. The scientific and critical approach helped the researcher to fix contradictions in the chain of facts and look for evidence of authenticity/fiction of text fragments, while the hermeneutic approach allowed him to "look through the eyes of the author" and immerse himself in the drama of the era.

Keywords:*culture, history, folk art, V.O. Klyuchevsky.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философский наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»; SPIN-код: 9444-1370; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

About the author:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026.
Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026.